

Бай Шу заметил, насколько помрачнел Великий генерал Бай Вэньхань, произнося эти слова, и сразу же оставил мысль расспросить брата подробнее. Он слишком хорошо его знал: если дело не касалось каких-то потаённых дворцовых тайн или вещей, о которых слишком тяжело говорить вслух, Вэньхань всегда охотно делился с ним мыслями и пускался в объяснения, а не замыкался в молчании.

Опустив глаза, Бай Шу перевёл взгляд с лица брата на свой рисунок. Свиток являл взору образ неописуемо прекрасного юноши, чья грация и утончённость казались верхом совершенства. На самом деле Бай Шу давно привык к тому, что его восхищению внешностью Хан Сиэня никто не верит. Окружающие полагали, будто он безбожно лжёт, либо — как его собственный старший брат — считали, что у него просто рябит в глазах, раз он видит красоту там, где её нет.

Для большинства людей облик Хан Сиэня был далёк от прекрасного. Кое-кто из трусливых натур и вовсе пугался до слёз, едва заведя его исхудавшее, болезненно-жёлтое лицо. Не зря по императорской столице ходила молва: «Стоит детям услышать имя Хан Сиэня, как они тут же заливаются слезами». И доля истины в этом, несомненно, была.

Однако в глазах Бай Шу этот юноша выглядел в точности так, как на свежеекрашенном шёлке — безмятежным, изящным и бесконечно холодным. Казалось, весь суетный мир не заслуживал и мимолётного взгляда его темных глаз, но где-то в самой глубине его существа крылась невыразимая, щемящая нежность.

От этих мыслей у Бай Шу тоскливо сжалось сердце. Изначально он хотел преподнести этот портрет самому Хан Сиэню, но теперь понимал, что так и не сумел передать ту поразительную, почти невозможную двойственность его натуры.

Для юноши это было признанием собственного творческого бессилия, и осознание этого глубоко ранило его душу.

Прекрасно зная, что Хан Сиэнь больше никогда не согласится позировать ему, Бай Шу тихо вздохнул и обратился к брату:

— Брат, мне нужно кое-что исправить в этом рисунке. Больше не буду тебя отвлекать.

Вэньхань, чьи воспоминания о давно минувших днях пробудили в душе жгучий интерес к личности молодого наследника, только-только начал размышлять о том, как наладить с ним отношения. Но короткая реплика младшего брата мгновенно развеяла эти думы.

Ему нестерпимо хотелось сурово допросить Бай Шу: когда это они с Хан Сиэнем успели сойтись вновь? Неужели тот совсем забыл его предостережения? Однако глядя на то, с каким благоговением и сосредоточенностью юноша созерцает портрет, Великий генерал ощутил лишь глухое, необъяснимое раздражение к объекту его мыслей.

Впрочем, неотложные государственные дела требовали его присутствия, и сейчас было не время для долгих семейных нравоучений. Решив, что обязательно вернётся к этому разговору по возвращении домой, Вэньхань молча развернулся и покинул комнату.

Бай Шу даже не заметил его ухода. Не отрывая взгляда от портрета, он медленно обмакнул кисть в тушь и принялся аккуратно заполнять оставшиеся нетронутыми пустоты шёлка.

В это время в герцогском поместье Хань и знать не знали о происходящем в доме генерала. Едва Бай Шу покинул резиденцию, как у ворот появился Великий внутренний управляющий — евнух Юань Бао.

Обитатели поместья встретили императорского посланника со смешанными чувствами. С одной стороны, расплывающееся в благодушной улыбке лицо Юань Бао всегда было желанным гостем, ведь он представлял самого Сына Неба. С другой — все прекрасно понимали: эта приторная вежливость предназначалась вовсе не им, а ненавистному Хан Сиэню.

Именно поэтому герцог Хань, вопреки бесчисленным порывам разделаться с дерзким сыном прямо в стенах усадьбы, так и не посмел поднять на него руку. Нынешний правитель дорожил молодым человеком сверх всякой меры. Даже упрятав его под домашний арест на долгие три месяца, император едва вытерпел этот срок и теперь, не выждав и пары дней, спешил призвать его под светлые очи. Случись с Хан Сиэнем что-то непоправимое, монарший гнев стёр бы провинившихся в порошок. Под ударом этого урагана герцогское поместье Хань разлетелось бы в щепки, и никто не осмелился бы просить о пощаде.

Пока в душе Хан Чжо бушевал ураган из противоречивых чувств, Юань Бао, мягко улыбаясь, обратился к нему с вопросом:

— Господин герцог, дома ли молодой наследник? Его Величество изволит срочно призвать его во дворец.

На лице Хан Чжо мгновенно проступило выражение глубочайшего почтения, смешанного с лёгким испугом.

— Позвольте спросить, почтенный евнух Юань, — с нарочитой тревогой заговорил он, — уж не прогневал ли мой недостойный сын Его Величество? Все эти дни он смиренно пребывал в своих покоях и не позволял себе ничего предосудительного.

Улыбка на лице Юань Бао стала ещё шире, а голос зазвучал на редкость доверительно:

— Ваша отцовская забота о наследнике трогает до глубины души, господин герцог. Однако вы напрасно тревожитесь. Владыка лишь вспомнил о некоторых делах, требующих разъяснений со стороны молодого господина. Ни о каком монаршем гневе речи не идёт.

Хан Чжо заметно расслабился и тут же сделал знак расторопному слуге, велел тому немедленно бежать в Дворик Душистых Орхидей за Хан Сиэнем. Малый, смекнув важность поручения, вихрем помчался исполнять волю хозяина.

Наследник явился без лишней спешки, но и не заставляя ждать — его появление уложилось в те самые невидимые рамки приличия, к которым привык опытный царедворец Юань Бао. Услышав о воле государя, Хан Сиэнь холодно распрощался с домочадцами и последовал за евнухом к ожидавшему его экипажу.

Перед самым уходом Хан Сиэнь бросил на отца прощальный взгляд. Хан Чжо показалось, что в этих тёмных глазах сквозило откровенное, издевательское торжество. От этого немного вызова у герцога нестерпимо зачесались руки.

В глазах Юань Бао молодой наследник оставался фигурой поистине загадочной. Суметь за столь короткий срок занять столь прочное место в мыслях и сердце императора — задача, которая была не под силу большинству умудрённых опытом вельмож. Хан Сиэнь читал потаённые желания Сына Неба с пугающей точностью.

Более того, каждое его действие шло вразрез со всеми привычными правилами дворцовой игры. Возьми хотя бы этот случай: император запер его под замком на целых три месяца, полностью лишив своего общества. Любой другой на его месте, едва выйдя на свободу, из кожи вон лез бы, стараясь разузнать через доверенных слуг о расположении государя и прощупать почву.

Но Хан Сиэнь оставался непоколебим. Всю дорогу до дворца он хранил полнейшее, ледяное безразличие, не сделав ни единой попытки выведать у Юань Бао хоть каплю сведений о настроениях во дворце. Подобная невозмутимость перед лицом опалы и милости заставила старого евнуха проникнуться к нему ещё большим уважением.

Юань Бао и не подозревал, что за этим высокородным спокойствием скрывалась банальная отрешённость. Хан Сиэнь просто устал от того, что окружающие вечно приписывали ему то гениальное коварство, то небывалые добродетели.

Ему вовсе не хотелось казаться белой вороной, и он вполне мог бы разыграть привычную сцену с расспросами, чтобы не выделяться. Однако после того, как Бай Шу заставил его взглянуть на себя сквозь призму шёлкового свитка, у него попросту не осталось душевных сил на эти мелкие интриги.

«Красивый...»

Этот тихий шёпот то и дело всплывал в памяти Хан Сиэня. Бай Шу думал так искренне, всем сердцем, и юноша, способный читать чужие мысли, знал это наверняка. Но он и представить себе не мог, что в глазах этого странного человека его собственный облик оваян столь светлой, щемящей грустью.

Это неожиданное открытие всколыхнуло в его душе странное, доселе незнакомое чувство, не покидавшее его вплоть до самой аудиенции.

Проницательный взгляд императора сразу подметил эту странную задумчивость гостя.

На душе у государя было беспокойно. Все те три месяца, что Хан Сиэнь провёл в заточении, Сын Неба ловил себя на мысли, будто во дворце стало непривычно пусто.

Едва истёк срок наказания, как верный Юань Бао осторожно закинул удочку, спросив, не желает ли государь милостиво позволить Хан Сиэню явиться с поклоном. Эти слова лишь рассердили монарха.

Молодой наглец частенько позволял себе лишнее, нагло садясь императору на шею, но делал это с таким безупречным изяществом, что сердиться на него по-настоящему было невозможно. За время его отсутствия дворцовые залы показались правителю невыносимо скучными, а речи министров — пресными.

«Неужели этот паршивец сам не понимает, что обязан просить об аудиенции?!»

Бушевал в душе государь. Сорвав злость на верном слуге, он строго-настрого запретил упоминать имя строптивого наследника.

Но Хан Сиэнь проявил поистине ослиное упрямство и даже не подумал отправить во дворец прошение.

Пока императорский гнев грозил перерасти в настоящую бурю, во дворец явился пятый принц Цзи Хуай. Юноша пал ниц, умоляя отца позволить ему взять в жёны законную дочь герцога Хань — девицу Хан Цинсюэ.

Этот неожиданный шаг поверг правителя в крайнее изумление. С незапамятных времён женитьбой принцев заправляли их родные матери — наложницы государя. Даже сам император в юности не избежал этой участи. Наложница Сянь-фэй не раз тонко намекала ему на союз с Хан Цинсюэ, и он прекрасно понимал её честолюбивые замыслы, втайне презирая эту мышиную возню.

Но то, что принц крови лично явился просить руки девицы, чья семья едва сводила концы с концами в плане влияния, а сама она была лишь дочерью незначительного чиновника пятого ранга, казалось полнейшей нелепостью.

Впрочем, характер наложницы Сянь-фэй был ему слишком хорошо известен. Будь она хоть трижды довольна этой партией, она ни за что не позволила бы сыну действовать столь прямолинейно и неосмотрительно. Здесь явно крылось нечто большее.

Не спеша с ответом, император успоил юношу тёплыми словами и отослал прочь. Провожая взглядом понурюю фигуру пятого принца, правитель помрачнел, и на его лице отразилась напряжённая работа мысли.

Именно тогда Юань Бао и вставил своё слово:

— Ваше Величество, не лучше ли призвать во дворец молодого наследника Хань и расспросить его лично?

— С какой стати мне звать именно Хан Сиэня? — раздражённо бросил император. — Неужели в роду Хань больше не осталось мыслящих людей?

— Старый слуга лишь смеет думать, Ваше Величество, что в этом упрямом семействе только молодой наследник обладает достаточной дерзостью, чтобы говорить Вашему Величеству чистую правду, — почтительно склонился евнух. — Остальные слишком пекутся о чести своего дома и непременно попытаются приукрасить неприглядную истину.

Император лишь пренебрежительно фыркнул, но после долгого, тяжёлого молчания нехотя процедил:

— Ступай и приведи его немедленно.

И вот теперь, глядя на то, как стоящий перед ним Хан Сиэнь витает где-то в облаках, государь ощутил укол досады и смерил его ледяным, пронзительным взглядом.

Почувствовав недовольство владыки, Хан Сиэнь мгновенно вернулся к реальности. Склонившись в глубоком поклоне, он поднял на императора ясный, обезоруживающе невинный взгляд.

Эта нехитрая уловка возымела действие: гнев государя заметно утих. Он опёрся о подлокотник и вкрадчиво спросил:

— Ну и какие же дивные новости будоражат ныне твоё почтенное семейство? Поведай мне, послушаю на досуге.

— В нашей обители каждый божий день случаются чудеса, Ваше Величество, — со смиренным видом отозвался Хан Сиэнь. — О каких именно новостях угодно знать Вашему Величеству?

Император смерил его суровым взглядом:

— Расскажи-ка мне, какую такую беду нашёл мой пятый сын в стенах вашего гостеприимного дома.

Тогда Хан Сиэнь без утайки изложил всю историю, приключившуюся с Цзи Хуаем в поместье Хань. Он говорил ровно, не пытаясь никого обелить или очернить, соблюдая безупречное

беспристрастие.

Выслушав его, император погрузился в раздумья, а затем тихо спросил:

— Выходит, твоя семья вознамерилась выдать за Цзи Хуая барышню Хан Минчжу, но та заартачилась и подсунула вместо себя другую?

Хан Сиэнь качнул головой:

— Не она заартачилась, Ваше Величество. Это я не пожелал этого брака.

В подлунном мире девичья честь ценилась превыше жизни. Случись императору начать собственное расследование, правда всё равно выплыла бы наружу, и тогда на долю Хан Минчжу достался бы лишь ярлык коварной обманщицы.

Хан Сиэнь не собирался лгать государю, но твёрдо вознамерился увести сестру из-под удара. Он посмотрел на императора с лёгким, едва заметным упрёком в тёмных глазах:

— Это я велел ей так поступить. И если зреть в корень, виной всему — безграничная милость Вашего Величества к моему недостойному лицу. Именно она пробудила в душе наложницы Сянь-фэй помыслы, коих ей иметь не следовало бы.

Глядя на этого вопиюще дерзкого юношу, император почувствовал, как к горлу подступает глухое раздражение. Он опасно сощурился:

— То есть, по-твоему, во всём виноват я сам?

<http://bllate.org/book/20088/2002032>